

«ОЧАРОВАННАЯ ДУША»

Весна нынче радует нас ясными погожими днями: солнце, нежный ветерок, бодрый гомон птиц, липкие почки деревьев, вот-вот готовые лопнуть...

И приторможенная зимой душа просыпается!

Это бывает радостно, это бывает грустно, это бывает мучительно и печально, но все равно здорово ощущать, « что ты обладаешь, поскольку страдаешь, душою, которая есть!».

В связи с этим, мне , вспомнился рассказ, который был напечатан в журнале «Юность» в далеком 1977-м году – рассказ Натальи Баранской «Отрицательная Жизель». Рассказ о том, как пробуждается душа.

Рассказ о 16-летней девочке-школьнице, которая живет в Москве в семье весьма обеспеченной, но, как бы мы сейчас сказали, «с пониженными культурными потребностями», а в то время говорили просто – «мещане». Папа, для которого образ счастья – это хоккей по телевизору и бутылочка пива. Мама, вся «кругленькая, как колобок», непобедимо уверенная, что у нее «со вкусом все в порядке», на основании того, что есть у нее две книги – «Хороший вкус» и «Искусство одеваться», привезенные из Польши; с ними она постоянно сверяется.

И есть у них дочка Славочка, поздний ребенок, любимый, балованный, но «в меру». Девочку в школе упрекнули за недостаточный запас эстетических впечатлений и рачительная родительница срочно взялась это поправить – повести дочку в Большой театр на балет. Сама она в этом ничего не понимает, ей все равно какой спектакль; зав. культмассовым сектором на работе мужа предложила билеты на какой-то «балет с именем» - ну и ладно!

И вот мама с дочкой в Большом, в ложе бенуар, в первом ряду. Маме непроглядно скучно и она мечтает, чтобы это все скорее закончилось, и можно было бы вернуться домой к родному телевизору. Славочке тоже сначала скучно, но потом как-то случилось так, что «музыка и движения балерины соединились в одно целое», «музыка вдруг стала зримой, проникала в душу, трогала и волновала». Во всей этой истории, рассказанной столь необычно и прекрасно, было «ощущение тайны, чуть приоткрывшейся и все же неуловимой и недоступной».

Надо сказать, впечатления эти пали на благодатную почву, так как Славочка была в том возрасте, когда неясные «сердечные томленья теснили ей младую грудь». Она вглядывается в себя, оценивая себя сурово : «некрасивая, длинная, сутулая. Да, еще она бесцветная. Все светлое – волосы, лицо, глаза». Ах, со своими острыми плечиками и тонкой шеей она кажется себе «уродом», о чем с горечью и говорит своему отражению в зеркале

А этот спектакль, с его воздушной красотой, его печалью, просто переполняет сердце, томит его непонятной тоской, которая не дает уснуть. Среди ночи «тоска, не отпускаящая ее, вылилась словами: «Я хотела бы полюбить так сильно, чтобы умереть от любви». Она даже записала это на промокашке и сунула ее под книги.

Там-то бдительная мамаша и нашла эту записку, плод ночного смятения чувств. За завтраком она попеняла мужу, что выбрали они не тот спектакль: «совсем неподходящий это балет для такого возраста. Ты знаешь, эта Жизель... Она довольно отрицательная».

И так жаль этой девочки, этой очнувшейся и очарованной души! Что если подомнут ее под себя эти Кроты, Жабы и Мыши? А, может быть, и нет; может быть, кто-нибудь, так же как Дюймовочке, даст ей крылышки и улетит она из этой теплой, душной норы!

Какова может быть сила пробужденной души, доказывает судьба автора этого небольшого рассказа, Натальи Владимировны Баранской.

Родилась она в 1908-м году в семье профессиональных революционеров, увы, меньшевистского направления. Поэтому, в послереволюционные годы с лихвой познала горечь гонений, репрессий, потерь. Сначала родители, потом воркутинская ссылка первого мужа, гибель на фронте, второго. Работала в редакциях газет, издательстве, потом, наконец, работа, (желанная и любимая!), в Гослитмузее, затем, в музее Пушкина. И оттуда она уходит сама, потому что не может подписать письма, осуждающего Б.Пастернака, потому что не может смириться с тем, что на выставке в честь А.Ахматовой запрещено экспонировать фотографию Н.Гумилева, (это уже в 1966 году!). Тогда-то она и начинает писать. Нельзя сказать, что она оставила значительный и заметный след в литературе; ко многому в ее немногочисленных, правду сказать, произведениях можно придраться. Но то, что в них явлена личность цельная, яркая, значительная – несомненно.

И как эпилог, строчки В.Тушновой, написанные примерно в то же время и тоже о ней, о пробужденной душе:

Смятенная и беззащитная,

она очнется,

и тогда

сама по-птичьи закричит она

и засияет как звезда.